

Такое чувство, будто её забыли в холодном углу, день и ночь грызло Гу Чуюй изнутри.

Цзин Мяои по-прежнему была занята: если изредка и возвращалась домой, то лишь на миг, принося с собой лишь усталость, чтобы снова поспешно скрыться. Она даже не замечала, как Гу Чуюй с каждым днём становилась всё молчаливее, а в её оленьих глазах росла тревога.

Картина со звёздным небом всё так же висела в кабинете — яркая, но словно подёрнутая невидимой пылью, она больше не могла согреть остывающее сердце Гу Чуюй.

Так дальше продолжаться не может.

Она должна что-то предпринять, чтобы разрушить этот удушающий застой, чтобы вернуть себе всё внимание Цзин Мяои.

Мысль, зародившаяся в глубине души, крепла с безумной силой: если лёгкое недомогание не заставляет её вернуться, то, может, получится, если заболеть по-настоящему?

Эта идея принесла с собой странное, почти самоубийственное наслаждение, отчего на бледных щеках девушки проступил нездоровый румянец.

Она знала: её тело — это её главное оружие и самое уязвимое место Цзин Мяои.

Поздней ночью, решив, что Цзин Мяои почти наверняка не вернётся, Гу Чуюй в тонкой шёлковой сорочке, босиком, вошла в просторную, до неприличия огромную ванную главной спальни.

Отопление она включать не стала.

В воздухе ранней осени уже чувствовалась прохлада, и ледяная плитка, обжигая ступни, отдавалась холодом прямо в позвоночник.

Она встала под душ, глубоко вдохнула и повернула рычаг на ледяную воду.

Хлынул поток.

Ледяная, колючая вода обрушилась на неё, заставляя тело содрогнуться, а зубы — произвольно застучать. По обнажённым рукам и ногам мгновенно побежали мурашки.

Как холодно...

Она прикусила нижнюю губу, заставляя себя стоять под струями, позволяя холоду, словно

тысячи тонких игл, вонзаться в кожу и проникать в самый костный мозг.

Вода стекала по её волосам, похожим на чёрный шёлк, насквозь пропитала тонкую сорочку, которая прилипла к телу, подчёркивая хрупкие, но изящные изгибы, и уносила последние крупницы тепла.

Её начало трясти, губы теряли цвет, становясь синюшными.

В голове пульсировала лишь одна упрямая мысль: сестрица Мяои, в этот раз ты ведь вернёшься? Ты больше не сможешь меня игнорировать...

Неизвестно, сколько времени она простояла под ледяной водой, пока конечности не онемели, а в голове не помутилось. Только тогда она закрыла кран.

В зеркале отразилось лицо, бледное, как пропитанная водой бумага, и лишь веки да кончик носа горели неестественным красным цветом от холода и обиды.

Она кое-как вытерлась полотенцем, даже не стала сушить волосы и, дрожа в мокрой сорочке, нетвёрдой походкой вышла из ванной, повалившись на огромную, мягкую, но холодную кровать.

Холод шёл изнутри. Она свернулась калачиком, натянула одеяло до самого подбородка, но тепла не чувствовала.

К полуночи началось головокружение, горло саднило, тело то бросало в озноб, то охватывало неестественным жаром.

Она знала: у неё получилось.

На следующее утро, когда дядя Чэнь по привычке постучал в дверь гостевой, чтобы спросить, что Гу Чуюй желает на завтрак, ответа не последовало.

Он почувствовал неладное: госпожа Гу хоть и любила поспать, но никогда не молчала так долго.

— Госпожа Гу? — он постучал снова, повысив голос.

Из-за двери донеслись слабый, мучительный кашель и едва слышный стон.

Лицо дяди Чэня изменилось, он, забыв о приличиях, толкнул дверь.

Гу Чуюй лежала, свернувшись на кровати, её личико горело от жара, губы потрескались, лоб покрылся испариной, сознание было спутано, а тело продолжало мелко дрожать.

— Госпожа Гу! — дядя Чэнь бросился к кровати и коснулся её лба. Жар был таким сильным, что у него упало сердце.

Он тут же набрал внутренний номер, голос его звучал непривычно резко:

— Немедленно вызовите доктора Ли! Быстрее!

Отдав распоряжение, он посмотрел на хрупкую, словно фарфоровую, Гу Чуюй, и, почти не колеблясь, достал телефон и набрал номер Цзин Мяои.

Он знал, что госпожа сейчас за границей на важнейших переговорах, решается судьба сделки на миллиарды. Но...

Гудки шли долго, наконец трубку сняли. На фоне слышались приглушённые голоса — шло обсуждение на иностранном языке.

— Дядя Чэнь? — голос Цзин Мяои прозвучал через помехи, в нём сквозило недовольство тем, что её отвлекли, и холод деловых переговоров.

— Госпожа, — голос дяди Чэня был тяжёлым и встревоженным. — Госпожа Гу... у неё внезапно поднялась высокая температура, она бредит, доктор уже в пути.

На том конце провода воцарилась мёртвая тишина.

Даже фоновые голоса словно нажали на кнопку выключения.

Эта тишина была такой короткой, что можно было подумать, будто прервалась связь, но в то же время — такой долгой, что дядя Чэнь почувствовал незримое давление.

Затем он услышал голос Цзин Мяои. Интонация не изменилась, но тон был холодным, как сибирский ветер, пронзивший тысячи километров:

— Совещание приостановлено.

Никаких объяснений, никаких оправданий. Только эти слова, адресованные ей не менее влиятельным партнёрам.

Затем последовал приказ дяде Чэню, быстрый и спокойный, не допускающий возражений:

— Позаботьтесь о ней. Я немедленно вылетаю.

Связь оборвалась.

Дядя Чэнь смотрел на телефон, слушая гудки, перевёл взгляд на Гу Чуюй, которая тихо всхлипывала во сне от боли, и тяжело вздохнул.

Он знал: ничто в этом мире не могло так сильно задеть, казалось бы, несокрушимую броню сердца его госпожи, как эта капризная девочка.

Цзин Мяои вернулась быстрее, чем кто-либо мог представить.

Глубокой ночью, когда Гу Чуюй в полубреду металась от жара, она вдруг услышала быстрые, знакомые шаги. Они приближались и замерли у кровати.

Знакомый холодный аромат, в котором смешались ночная свежесть и запах долгой дороги, вытеснил больничный запах лекарств, мягко окутывая её.

Она с трудом приоткрыла тяжёлые веки и в тумане увидела лицо Цзин Мяои — холодное, прекрасное, но сейчас до предела напряжённое.

Она действительно вернулась.

Гу Чуюй хотела улыбнуться, хотела торжествовать, но от боли смогла лишь слабо всхлипнуть.

Цзин Мяои молчала.

Она даже не сняла пиджак, пропахший уличным холодом, и сразу села на край кровати.

Её холодные пальцы коснулись пылающего лба Гу Чуюй, прикосновение едва заметно дрожало.

Доктор Ли, стоявший поодаль, тихо докладывал:

— ...Переохлаждение, острая лихорадка. Лекарство введено, теперь нужны физическое охлаждение и постоянное наблюдение, нельзя допустить повторного переохлаждения...

Цзин Мяои слушала, не отрывая взгляда от раскрасневшегося лица Гу Чуюй. В её холодных глазах бушевала глубокая, трудноразличимая буря — словно ледяное море, скрывающее под собой мощные волны.

Она взмахнула рукой, приказывая врачу и остальным выйти.

В комнате остались только они вдвоём.

Цзин Мяои сама намочила полотенце в холодной воде — движения были немного неуклюжими, но предельно нежными — и приложила его ко лбу Гу Чуюй. Затем смочила другое полотенце и осторожно начала протирать шею и руки девушки, помогая сбить жар.

Она была сосредоточена и молчалива, словно ухаживала за величайшим сокровищем.

В полудрёме Гу Чуюй чувствовала приятную прохладу на лбу, ощущала нежные прикосновения, чувствовала, как кто-то наклоняется, пробуя губами температуру её лба...

Это сестрица Мяои.

Только она.

Она удовлетворенно погрузилась в глубокий сон, и когда порой морщилась от боли, то всегда чувствовала, как прохладная рука тут же ложится на щёку, и слышала тихий, едва уловимый шёпот:

— Я здесь.

Эта ночь для Гу Чуюй была хаотичной и мучительной.

Но для Цзин Мяои она стала бесконечной ночью полного бодрствования.

Она так и просидела у кровати, почти не сомкнув глаз, следя за температурой, меняя полотенца, давая ей тёплую воду и лекарства.

Небо за окном сменило густую черноту на чернильно-синий цвет, а затем проступил рассвет.

Цзин Мяои не меняла позы, спина оставалась прямой, но под глазами залегли тени, добавляя её холодному лицу редкой измождённости.

Когда первый луч солнца пробился сквозь занавески и упал на лицо Гу Чуюй, жар наконец отступил, дыхание стало ровным и спокойным.

Она медленно пришла в себя.

Длинные ресницы дрогнули, она открыла оленьи глаза — всё ещё усталые, но уже ясные.

Первое, что она почувствовала, когда сознание вернулось, — это нежное прикосновение: чья-то прохладная рука лежала у неё на лбу.

Она повернула голову и увидела совсем близко лицо Цзин Мяои.

Утренний свет очерчивал её контуры. Она всё ещё была прекрасна, но из-за усталости её обычная суровость исчезла, уступив место какой-то хрупкости.

Покрасневшие глаза, помятая рубашка... всё это без слов говорило о том, как она провела эту ночь.

Ради неё.

Сердце Гу Чуюй наполнилось чем-то до краёв, оно было переполнено удовлетворением, граничащим с болью.

У неё получилось.

Она снова доказала, что в сердце Цзин Мяои её никто не заменит. Какие там миллиардные сделки, какие важные переговоры — всё это ничто по сравнению с её болезнью.

От этого чувства, что она так важна, что за неё так переживают, ей стало так хорошо, что даже слабость после болезни казалась сладким бременем.

Цзин Мяои, увидев, что она проснулась, чуть смягчила линию подбородка. Она убрала руку и снова коснулась лба Гу Чуюй — жар спал.

Движение было мягким.

Затем она наклонилась и хриплым от бессонной ночи, сдавленным голосом прошептала ей на ухо:

— Больше так не делай.

<http://bllate.org/book/19581/1920142>